

ПАРИЖ, ФРАНЦИЯ

Понедельник

06:19 CET¹

ОБЪЕКТ ВЫГЛЯДЕЛ СТАРШЕ, чем на фотографии. Свет уличных фонарей подчеркивал глубокие морщины на его лице и сухощавое, почти болезненное телосложение. Виктор разглядел седеющие короткие волосы и аккуратно подстриженные усы. Одет он был в элегантное пальто, ботинки начищены. Объект казался нервным – то ли от избытка адреналина, то ли оттого, что принял слишком много кофеина. Впрочем, это не имело никакого значения для того, что должно было произойти через тридцать секунд.

В досье он значился как Андрис Озолс, латыш пятидесяти восьми лет, ростом 175 см и весом 73 кг, правша, без заметных шрамов, голубые глаза, близорук.

У прохода между домами Озолс, обеими руками прижимая к животу небольшой кожаный кейс, оглянулся через плечо. Эта оглядка была совершенно дилетантской: слишком очевидной, чтобы обмануть возможного шпика, и слишком короткой, чтобы заметить его, если бы он был. Он не видел стоявшего в тени человека. Человека, который был там, чтобы убить его.

Виктор выждал, когда Озолс выйдет из освещенного места, и плавно нажал спусковой крючок.

В тишине раннего утра прозвучали еле слышные выстрелы. Две пули подряд попали в грудь Озолса. Это были дозвуковые пули калибра 5,7 мм, но более мощных и не требовалось. Свинцовые, в медной оболочке, они пробили кожу, кость, сердце и застряли рядом в позвоночнике. Озолс упал на спину, ударившись о землю с глухим стуком. Его руки раскинулись, голова повернулась набок.

Виктор вышел из тени, сделал небольшой шаг вперед. Он наклонил свой пистолет FN Five-seveN и выстрелил Озолсу в висок. Тот был уже мертв, но Виктор считал не лишним подстраховаться.

Выброшенная гильза звякнула о камни мостовой и скатилась в лужицу, отражающую желтый свет натриевых уличных фонарей. Единственным звуком был тихий свист воздуха, выходящего из двух ран в груди Озолса, – его последний выдох.

¹ CET – центральноевропейское время, время первого часового пояса. Отличается на +1 час от Гринвичского. – *Прим. ред.*

Утро было холодным и темным, восточная часть неба только начинала чуть светлеть. Виктор был в самом сердце Парижа, вблизи широких авеню и узких кривых переулков. Проход был глухим, в него не выходило ни одно окно, но Виктор чуть задержался, чтобы все-таки проверить, не видел ли кто убийства. Слышать выстрелы не мог никто: пистолет был с глушителем, так что выстрелы звучали лишь как легкие щелчки, но существовал шанс, что кто-то мог счесть это место подходящим для того, чтобы помочиться.

Убедившись, что он был один, Виктор присел у трупа, стараясь не ступить в кровь, вытекшую из выходного отверстия в виске Озолса. Левой рукой он расстегнул кейс и заглянул внутрь. Искомый предмет был там, но больше ничего в кейсе не было. Виктор достал флешку и сунул в карман пиджака. В то, что человек был убит из-за такой маленькой и безобидной на вид вещицы, поверить было трудно, но это было именно так. «Ни одна причина для убийства не хуже другой», – напомнил себе Виктор. Все дело было в точке зрения. Виктор убеждал себя, что он не делает ничего сверх того, за что ему платят, и что это дело человечество развивало и совершенствовало тысячелетиями. Он был просто на вершине этого развития.

Он тщательно обшарил карманы убитого, дабы убедиться, что там нет ничего, о чем бы ему следовало знать. Только карманный сор, да бумажник, который Виктор раскрыл и повернул к свету. Там были обычные вещи: кредитная карта, водительское удостоверение на латышское имя, деньги и выцветший снимок более молодого Озолса с женой и детьми. Благополучное на вид семейство.

Виктор сунул бумажник обратно в карман покойника, поднялся и проверил в уме, сколько выстрелов он сделал. Два в грудь и один в голову. Значит, в обойме осталось семнадцать патронов. Простая математика, но очень важная. Он знал, что если когда-нибудь ошибется в счете, то может, нажав спусковой крючок, услышать лишь щелчок. Он уже слышал такой однажды, когда пистолет был в руке другого человека, и дал себе зарок, что никогда не умрет из-за такой оплошности.

Он снова оглядел окрестности, чтобы проверить, не обнаружил ли он себя, но нигде не было видно ни людей, ни машин. Не было слышно и шагов. Виктор отвинтил от пистолета глушитель и сунул его в карман пальто. С глушителем пистолет был слыш-

ком длинным, и его было бы трудно быстро выхватить в экстренном случае. Он отыскал взглядом и подобрал все три гильзы. Две были еще теплыми, а третья, что из лужи, уже холодной.

В небе ярко светил полумесяц, где-то далеко за звездами простиралась в бесконечность вечная Вселенная, но здесь, где стоял Виктор, мир был мал, а время слишком скоротечно. Он вслушивался в свой пульс, медленный и ровный, разве что на четыре удара в минуту более частый, чем обычный для него пульс покоя. Он удивился этому ускорению. Ему хотелось курить. В эти дни ему все время этого хотелось.

Он был в Париже уже неделю, ожидая команды, и теперь был доволен, что дело почти закончено. Оставалось только положить флешку в тайник и сообщить заказчику, где этот тайник находится. Этот заказ не был ни трудным, ни даже рискованным. Он был простым и скучным. Стандартное убийство с изъятием некоего предмета, но если заказчик был готов заплатить такую сумасшедшую цену за работу, которую мог выполнить любой дилетант, Виктору не было смысла спорить. Однако что-то в тайниках мозга подсказывало ему, что дело было подозрительно легким.

Он вышел из проулка, практически бесшумно ступая по твердой неровной поверхности. Перед тем как раствориться в городе, он бросил последний взгляд на человека, которого убил без малейших угрызений совести. В тусклом свете он увидел обращенные на него широко раскрытые обвиняющие глаза своей жертвы. Их белки уже помутнели из-за кровопотери.

08:24 СЕТ

ИХ БЫЛО ДВОЕ. Среднего телосложения, в обычной одежде, не примечательные ничем, кроме того, что оба были слишком неприметны. Отель Hôtel de Ponto располагался на шикарнейшей рю де Фобур Сент-Оноре, и его постояльцами были состоятельные туристы и серьезные бизнесмены, мужчины и женщины в одеждах от известных модельеров. В обычной толпе эти двое были бы незаметны. Но не здесь.

Виктор заметил их, как только вошел. Они в ожидании стояли перед лифтами в дальнем конце вестибюля спиной к нему. Оба